

Структура Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ без рисков

2011 год

ООН Женщины — структура Организации Объединенных Наций по обеспечению гендерного равенства и расширению прав и возможностей женщин. Активный защитник интересов женщин и девочек, ООН Женщины была создана с целью ускорения прогресса в деле соблюдения их прав по всему миру.

Данная публикация, изданная при финансовой поддержке ООН Женщины, содержит лучшие работы за 2010-2011 год журналистов Медиа Сети по трудовой миграции, действующей в рамках Региональной программы по миграции в Центральной Азии, реализуемой Международной Организацией по Миграции, ООН Женщины и Всемирным Банком при поддержке Правительства Великобритании.

Основной целью медиа сети, представляющей различные СМИ России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, является продвижение позитивного образа трудящегося мигранта, с особым акцентом на женщин мигрантов, для поддержания их социальной интеграции в принимающее сообщество.

Также в публикации представлены работы, представленные на участие в фотоконкурсе 2011 года «Трудовая миграция без рисков», организованного Субрегиональным офисом ООН Женщины для стран Восточной Европы и Центральной Азии совместно с Кластерным Бюро ЮНЕСКО по Казахстану, Кыргызстану, Таджикистану и Узбекистану, в том числе работы призеров и номинантов конкурса.

Мнения и точка зрения, выраженные в данной публикации, принадлежат авторам и могут не совпадать с официальной позицией ООН Женщины или ЮНЕСКО.

© ООН Женщины – 2011 г.

Координационная группа

Наргис Азизова – Программный специалист, Субрегиональный офис ООН Женщины для стран Восточной Европы и Центральной Азии

Алия Ильясова – Координатор программ ООН Женщины, Субрегиональный офис ООН Женщины для стран Восточной Европы и Центральной Азии

Лаура Кеннеди – Программный специалист, Кластерное Бюро ЮНЕСКО по Казахстану, Кыргызстану, Таджикистану и Узбекистану

Дизайн публикации

Гульмира Нурахимова

К ЖУРНАЛИСТСКОМУ СООБЩЕСТВУ СНГ

Уважаемые коллеги!

К Вам обращаются участники Медиа тура «Трудовая миграция без рисков», организованного ООН Женщины в сотрудничестве с Бюро ЮНЕСКО в Алматы в рамках Региональной программы по миграции в Центральной Азии. В течение четырех майских дней мы, журналисты из Алматы, Шымкента, Москвы, Санкт-Петербурга и Душанбе работали в Республике Таджикистан. Побывали в нескольких семьях, проводивших своих мужей и сыновей на заработки в соседние страны. Встретились с руководителями районов и областей, общественными деятелями и представителями бизнеса. Все они, так или иначе, выражают свою озабоченность по поводу тех угроз и рисков, которые возникают в связи с миграционными процессами. Несмотря на некоторые позитивные моменты (экономика страны в немалой мере подпитывается денежными переводами таджикских граждан, работающих в России и Казахстане) трудовая миграция приносит немало огорчений и бед населению республики. Дети не получают полноценного воспитания. Подчас разрушаются семьи. Нередко трудящиеся-мигранты становятся жертвами недобросовестных работодателей и криминала. Такая ситуация характерна не только для Таджикистана. Мир стал глобальным. В поисках заработка и лучшей доли сотни тысяч, миллионы людей снимаются с обжитых мест и переезжают из города в город, из страны в страну. Сложно представить жизнь крупных городов и целых стран без трудящихся-мигрантов. Они готовы

на любую, даже низкооплачиваемую работу. Между тем нередко эти люди встречают негативный прием, непонимание, а то и откровенную ксенофобию. Будем самокритичны: порой и журналистские публикации на эту тему далеки от объективности. Образ мигранта представит далеко не в лучшем свете, что провоцирует столкновения на межнациональной почве, создает напряжение в обществе. Вот почему международные организации, и, прежде всего ООН, бьют тревогу. Вот почему под эгидой организации ООН Женщины сформировался журналистский пул из представителей самых разных средств массовой информации.

Мы призываем Вас, коллеги, к созданию честных, правдивых статей, репортажей и интервью на эту тему. Мы думаем, что в течение этого и следующего года можно было бы провести акцию «Миграция в зеркале прессы» на всем постсоветском, а возможно, и евразийском пространстве - с максимальным привлечением лучших «перьев». Газетные материалы, теле- и радиопередачи, фильмы должны не нагнетать обстановку, а наоборот, способствовать смягчению нравов, преобладанию позитивных, толерантных настроений в обществе. Мы также полагаем, что наша инициатива могла бы послужить укреплению профессиональных связей и укреплению гуманистических начал в Содружестве Независимых Государств.

ДВА СЮЖЕТА О МИГРАЦИИ:

женский и мужской

В начале мая в Кайраккуме прошел медиатур с участием представителей СМИ России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана. 20 журналистов собрались для того, чтобы обсудить вопросы освещения проблем трудовой миграции. Они выехали непосредственно в сельскую местность – джамоат Навгилем г. Исфары и джамоат Кистакуз Бободжон-гафуровского района, чтобы на месте ознакомиться с жизнью трудовых мигрантов и их семьями. Для нас, таджикских журналистов, это была обычная поездка, так как мы на каждом шагу сталкиваемся с житейскими проблемами наших соотечественников, но для российских и казахстанских журналистов увиденное стало шоком.

Петриашвили Галина, г. Тбилиси

КИРПИЧИ

Взять, например, нашу встречу с жительницами кишлака Кулканд джамоата Навгилем г. Исфары. В одном из домохозяйств мы познакомились с 33-летней женщиной, у которой муж в январе 2011 года впервые уехал в трудовую миграцию. У них трое маленьких детей, она сама на восьмом месяце беременности. За 5 месяцев муж прислал домой деньги дважды: первый – 3 тыс. рублей на питание, второй – 7 тысяч на закупку арматуры и цемента для строительства дома. Пока семья ютится в маленькой «временке», питаюсь самым необходимым. Больше всего шокировало то, чем занимается хозяйка дома. Оказывается, в рамках Проекта помощи семьям трудовых мигрантов в кишлаках организуются малые женские инициативные группы, которые занимаются тем или иным видом предпринимательства. Группа «Навруз», куда и входит наша героиня, закупает грузовик с глиной за 100 сомони, делает из нее кирпичи – «лойблоки» и реализует по 35-40 дирамов за штуку. По словам женщин, выручка им остается в среднем 250-270 сомони.

- На одного человека? – уточняю я, одновременно выступая в качестве переводчика для моих коллег из СНГ.

- Нет, что вы, мы эту сумму делим на пятерых, – отвечает наша героиня.

Когда любопытные журналисты спрашивают, не нашлось ли ей, беременной, более легкой работы на селе, она тяжело вздыхает:

- Зимой мы шьем национальные халаты – чапаны, но они сейчас плохо реализуются из-за сезонности, а больше работы на селе нет.

- А как же ваши дехканские хозяйства? – не унимаются журналисты.

- Нет, туда мы не пойдём работать, – отвечали хором женщины. – Это совсем не выгодно. С нашей же зарплаты берут деньги на селитру и на трактор, мизер платят.

Беременная женщина, изготавливающая кирпичи, шокировала всех. Когда мы спросили ее про трудности, она посоветовала на то, что у них нет тележки и ведра с глиной ей трудно носить. Женщины попросили кредит в микрозаймовой организации, но пока проект не прошел. А время не ждет. Наш координатор проекта обняла женщину и положила ей в ладонь «зеленую» купюру.

Женщина какое-то время отнекивалась, а потом, взяв помощь, протянула руки к небу и пожелала, чтобы Бог отблагодарил ее за милость. Ее слова я переводила тяжело...

ДОМ

Аброр Толибов, 30-летний инженер связи, житель кишлака Навгилем, только что вернулся из России. Он работал в цехе по изготовлению жевательных резинок на фабрике «Азарт» Санкт-Петербурга. Раньше работал инженером связи в «Таджиктелекоме» г. Исфары, но зарплаты хватало на мешок муки. Почти все бывшие одноклассники уехали в Россию. Ему тоже пришлось. Узнав, что он работал в их родном городе, питерские журналисты окружают его, и начинаются расспросы. Аброр охотно отвечает на все вопросы. Получает порядка 15 тысяч рублей, из которых 10 тысяч отправляет регулярно семье, а на 5 тысяч живет. В данный момент на чужбине находится его родной брат.

- Вместе с пятью земляками снимаем однукомнатную квартиру и платим за нее каждый по 3 тысячи рублей в месяц. Как питаюсь? Нормально. Закупаю только необходимое: масло, картошку, макароны, хлеб.

Оказывается, наш герой работает на фабрике легально: есть разрешение на работу, получает зарплату по белой ведомости, а не в черном конверте. Считает, что от самого человека зависит, как он будет налаживать отношения с местным населением в миграции. Его на работе уважают. Аброр

считает, что трудовая миграция пошла ему на пользу: научился новой специальности, теперь он электроинженер.

- Когда еще не было миграции, вы когда-нибудь задумывались, что попадете в Петербург, знаете, что это за город? – не унимаются питерцы.

Аброр еще больше удивляет нас:

- Много знаю о вашем историческом городе. Был в Петродворце и Эрмитаже, и, что интересно, там совсем нет местного населения, всюду туристы, да и только. У меня много фотографий оттуда. Коллеги просят рассказать о планах на этот год, Аброр чешет за ухом: «Построить дом, пока дети маленькие. Но это работа на много лет, поэтому, как закончится отпуск, снова поеду в Россию».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

По итогам медиатура журналисты выработали совместные рекомендации для создания Концепции по социальной интеграции трудовых мигрантов, создана сеть. Прощались с гостями как родные. Больше всего гостей поразили заводы и фабрики, простаивающие и законсервированные «до лучших времен». Я была рада, что журналисты увидели своими глазами и поняли причины, почему наши соотечественники покидают родные места и уезжают на чужбину в поисках лучшей доли. Думаю, лед тронулся! С позитивных публикаций о миграции в СМИ начинается толерантность к нашим братьям.

... Мероприятие было организовано в рамках Региональной программы по миграции в Центральной Азии, которая реализуется совместно МОМ, ООН Женщины и Всемирным банком при поддержке правительства Великобритании.

Опубликовано:
газета «Азия Плюс», Душанбе
сайт «Кавказия»

ЦЕПКИЕ ЛАПЫ РАБОТОРГОВЦЕВ

Фарида и Асия испытали их на себе, младшая сестра

Молодой, необразованный, с финансовыми проблемами – такова во всем мире типичная жертва трафика людей. К сожалению, немало таких и в нашей области. Фактами массовой вербовки молодых южно-казахстанцев занимается Правовой центр женских инициатив «Сана сезім». Подробности кошмарной жизни бывшего кассира московского магазина – в рассказе одной из обманутых девушек, которой чудом удалось бежать.

«ДОБРАЯ» ТЕТЯ МАМУРА

Четыре года назад сестренки Фарида и Асия остались круглыми сиротами. Мать умерла еще в 97-м. Отец – в 2006-м, девочкам было по 17-18 лет. Их комнату в общежитии, которая осталась после родителей, навещали соседи. Помогали советом, едой, деньгами. Но средств все равно не хватало, тем более, что старшая продолжала учиться в одном из шымкентских колледжей. Вот тогда-то и стала заходить к девочкам Мамура – тоже соседка. Предложила работу в Москве: старшей – кассиром в магазине ее брата, младшей – няней. Обещала большую зарплату, на которую со временем можно будет купить квартиру, машину, оплатить обучение. Буквально на следующий день Фарида выехала в Москву. Несовершеннолетнюю сестренку привезли в столицу через неделю. С этого времени у девушек началась совсем другая жизнь. Увы, отличная от той, которую им обещала «добрая» тетя Мамура.

В МОСКОВСКОМ ПЛЕНУ

В магазине «Grand Nord - продукты», куда привезли сестренки, работали еще человек 10 – практически все из Южного Казахстана. Жили на двух складах, спали на полу без подушек, кормились просроченными продуктами. Кроме того, хозяева

заставляли пить алкоголь. Кто отказывался – жестоко били, причем, делали это остальные работники. Таковы были методы воспитания. При этом «пахали» с 6 утра до 2 ночи.

- Когда в магазин наведывались с проверками, нас прятали на складе. Оставались лишь те, у кого был российский паспорт, – вспоминает Фарида.

В том, что у хозяина неплохие связи с правоохранителями, девушка убедилась сама. Однажды ей удалось бежать. Это было зимой 2008 года. Она забежала в парикмахерскую недалеко от магазина, и одна из мастериц помогла ей доехать до ближайшего пункта милиции. Там она написала заявление, а еще через пару часов за ней приехал... хозяин магазина. За ее возвращение он заплатил ментам 1000 долларов. В тот день Фариду жестоко избили.

Иногда хозяева устраивали вечеринки, на которых девушек заставляли напиваться. Во время одной из таких попок у Фариды случился сексуальный контакт с другом хозяина. В начале ноября у нее родился сын. Еще через три месяца девушку заставили подписать какие-то бумаги. Как оказалось, это было ее разрешение на вывоз ребенка в Шымкент. За попытку отказа – вновь избиение. Малыша увезли. В начале июня, во время очередной попойки, Фариде вновь удалось бежать. На этот раз ее заметили оказавшиеся в магазине земляки, которые и помогли ей. Дали денег (за все три года Фарида ни разу не получила зарплату), посадили в поезд.

В Шымкенте девушка вместе с соседкой написала заявление в РОВД. Через несколько дней к общежитию подъехали трое незнакомцев. Угрожали убить соседку, Фариду и ее ребенка. К тому времени ее малыша вернула дочь той самой Мамуры. Кто-то посоветовал отчаявшейся девушке обратиться в Правовой центр женских инициатив «Сана сезім».

до сих пор остается в неволе

А был ли «ПЛЕН»?

- Фарида пришла к нам за помощью в мае прошлого года, – говорит курирующая это дело социальный работник центра Раушан Худайшукурова. – Она была запугана, растеряна. Ребенок был в тяжелом состоянии, в 7 месяцев не держал головку, у него был рахит. Спасибо нашим врачам, малыша выносили. Девушке мы помогли снять квартиру, продолжить учебу. Сейчас вплотную занимаемся возвратом ее сестры.

Но, как оказалось, не все так просто. Согласно заявлению Фариды, было возбуждено уголовное дело. Однако спустя пару недель его закрыли... за отсутствием состава преступления. Сложно сказать, кто поработал над этим решением. Возможно, сыграли роль показания одной из московских заложниц, вдруг неожиданно появившейся в Шымкенте и утверждавшей, что никто их там сильно не держал, не бил. «При этом все тело девушки было в ссадинах, – вспоминает Раушан.

– А то, что она запугана, читалось во взгляде».

Так или иначе, уголовное дело вновь возбудили. История повторилась и в Москве. В возбуждении уголовного дела там было сначала отказано. Сейчас ведется доследственная проверка. Резина тянется уже год. При этом правоохранительным органам известны фамилии, имена главных героев, адрес и название магазина, где до сих пор держат сестренку Фариды. По Шымкенту спокойно разгуливает Мамура, возможно, в поисках новых жертв. Остается только гадать, чем вызвана нетерпимость госорганов обоих государств – Казахстана и России. Сотрудники «Сана сезім» будут обращаться к московским коллегам – правозащитным НПО. Ведь время в данном случае работает против заложников. В частности, против Азии.

Опубликовано:
газета «Южный Казахстан», Шымкент
сайт «Кавказия»

КАК ПОМОЧЬ ХАЛИМЕ?

Женщины и дети – наиболее бесправны

С Халимой я познакомилась минувшей весной в клинике Военно-Медицинской академии. Познакомилась Вера – просто петербурженка, которая не смогла пройти мимо торгующей на улице с лотка женщины, которая выглядела невероятно бледной и изможденной. Вера узнала историю Халимы, которая приехала в Петербург с 13-летней дочерью из-под Оша – еще до начала очередной киргизской революции. Приехала и... сразу попала в мошеникам: по совету знакомых отправи-

лась в какую-то фирму на канале Грибоедова, где пообещали и зарегистрировать, и справки медицинские сделать. В фирме тут же забрали паспорт, а Халима покорно отдала, подписав какой-то договор, как оказалось позднее «об оказании информационных услуг». А когда пришла за справками и разрешением на работу, то ей в фирме дали от ворот поворот – либо несешь три тысячи рублей и получаешь назад паспорт, либо иди отсюда. Халима тем временем устроилась на работу нелегально, дочку тоже пристроила полы мыть – в Киргизии остался семнадцатилетний сын, которому надо было посылать деньги на учебу и жизнь, а также родственники. Истекли положенные 90 дней пребывания в России, паспорт Халима так назад и не получила – денег не было катастрофически. И стали они с дочерью нелегалами. Тем временем Халима заболела. Вот в таком ужасном положении застала ее Вера, привела в поликлинику, уговорила врачей принять ее. В итоге, Халиму увезли по «скорой» в ВМА – ее состояние здоровья было угрожающим, гемоглобин упал ниже 70. Вера, навещавшая Халиму, разыскала меня по телефону, вместе мы старались помочь женщине. Переговоры с фирмой, забравшей паспорт, ничего не дали – там уже сменился адрес, по телефону отвечали, что понятия не имеют ни о каком паспорте... В милицию Халима идти категорически отказывалась – она нелегал, ее вышлют, а кому будет нужна дочь, и как она сможет помочь семье? В УФМС также ответили нам с Верой, что единственным решением вопроса будет выезд Халимы за пределы России, восстановление паспорта и законный въезд и законная регистрация на территории России. А Халима тем временем перестала отвечать на наши телефонные звонки, а потом вообще ее сим-карта

Адылгезов Вагиф, г. Москва

оказалась заблокированной. Я не знаю, что стало с ней, бывшей учительницей начальных классов, и с ее дочерью.

Помощь – вне правового поля

Эта история, увы, не единична, совсем недавно на заседании Общественного совета при УФМС по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, посвященном детям-мигрантам, сотрудница государственного центра «Семья» Юлия Ивашкина озвучила несколько различных печальных историй, с которыми петербургским социальным работникам пришлось столкнуться: «В центр помощи семье и детям одного из районов старший брат приводит к психологу свою 16-летнюю сестру. Это таджикская семья, где девушка живет с матерью и старшим братом, постоянной работы не имеет никто, с 12 лет девушка нигде не учится, обстирывает и готовит на всю семью. Не так давно родила ребенка, от которого отказалась – причем «с подачи» семьи, как сама она признается, брат дома ее избивает. Но, как ни странно, именно брат привел ее в центр помощи семье и детям, никуда не разрешает выходить, кроме как к психологу центра.

Вот другая история – семья русских из Таджикистана, живут в Петербурге без единого документа, включая 22-летнюю дочь, которая недавно родила. У ребенка тоже нет вообще никаких документов. Социальные службы просто в тупике.

Вот украинская семья из трех человек, 14-летняя дочь беременна, у нее у самой нет даже свидетельства о рождении, собирается рожать и от ребенка отказываться». Юлия Ивашкина говорит о том, что, в соответствии с федеральным законодательством, право на социальную помощь в критической ситуации имеют все люди, находящиеся

на территории России, но вот в уставах социальных центров Петербурга записано, что помощь они могут оказывать только тем, кто зарегистрирован на территории города. Кто поможет оказавшимся в критической ситуации мигрантам – женщинам и детям?

«Мы должны знать случаи нарушения прав детей-мигрантов, и не только в связи с ксенофобией, мы должны знать, как нарушаются их права на образование, медицинское обслуживание и социальную защиту», – подчеркнула на заседании Общественного совета детский омбудсмен Петербурга Светлана Агапитова. Сотрудники Уполномоченного по правам ребенка в Петербурге совместно с сотрудниками Петербургского отделения Красногоскреста и при поддержке ЮНИСЕФ собираются провести работу по мониторингу жизни детей-мигрантов в Петербурге, особенно тех, кто не посещает школу или детский сад, живет в плохих условиях, трудится нелегально. «По данным Международной организации труда в Петербурге в трудовую нелегальную деятельность вовлечены до 10 тыс. несовершеннолетних, примерно 30% из них – нелегальные мигранты», – сообщила Агапитова. Но любое налаживание контакта с теми, у кого проблемы с регистрацией, чревато для этих людей выдворением из страны. Хотя другого выхода нет. «Выдворение пребывающих на территории России нелегальных мигрантов на место их гражданской принадлежности или в страну исхода с последующим законным въездом в страну – это единственный законный способ решить вопрос легализации нелегальных мигрантов и их детей, другого пути нам законодательство не дает», – говорит глава УФМС России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области полковник милиции Елена Дунаева. Дунаева видит выход, прежде всего, в том, чтобы для людей, ко-

торые приезжают в Россию из стран с безвизовым режимом въезда, на законодательном уровне было закреплено: въезд мигранта в Россию с оформленной медицинской страховкой, в которой бы указывалось состояние здоровья человека, а также уже на уровне въезда в страну было бы известно, куда едет работать человек, то есть его будущее рабочее место. Чтобы люди еще по ту сторону границы четко знали, куда обращаться

в России при постановке на учет и при оформлении медицинских справок.

Но что делать сейчас, когда помощь детям и женщинам, оказавшимся в трудной, а то и угрожающей жизни ситуации, входит в противоречие с миграционным законодательством? Директор государственного петербургского социального приюта для детей «Транзит» – единственного, который занимается судьбами детей-мигрантов, Марина Рябко рассказывает, что нередко невозможно поставить на миграционный учет детей-мигрантов, попадающих в приют, из-за того, что у детей нет абсолютно никаких документов, миграционной карты, иногда они не говорят по-русски: «Сейчас у нас шесть таких малышей в приюте, чьи личности мы установить не можем». Марина Рябко рассказала также, что дети-мигранты, попавшие в приют, в 54% случаев инфицированы туберкулезом, в 43% – педикулезом, у 52% – глисты, у 37% – истощение. «Детей с туберкулезной инфекцией мы обязаны пролечить, этот процесс может затянуться до полутора лет. И как быть с регистрацией при этом, если у ребенка вообще нет документов? – задает вопрос директор приюта, – кроме того, сейчас огромной проблемой стало устроить такого «нелегального ребенка» в больницу и в санаторий на реабилитацию, но мы обязаны по одному закону это делать, согласно другому закону – этого делать нельзя. Получается, что государственный приют «Транзит» не может «вписаться» в правовое поле, оказывая необходимую помощь детям».

Светлана Агапитова приводит данные – в Петербурге все больше полиэтнических школ, где не только русские дети, а дети разных национальностей составляют до 40% учащихся, всего же в Санкт-Петербурге учатся дети 130 национально-

Серова Елена, г. Санкт-Петербург

стей. «Директор школы обязан взять ребенка на учебу без всякой регистрации, но нередко такие дети внезапно исчезают, даже не забрав документы из школы, значит, в семье ухудшилась жилищная ситуация или семья просто скрывается», – говорит Агапитова. По словам детского омбудсмена, такие дети к 14 годам становятся людьми без гражданства – у них нет никаких документов, удостоверяющих личность, они не могут сдать ЕГЭ и получить документ об образовании. Между тем, Елена Дунаева настоятельно рекомендует директорам школ все же сообщать куда следует, что у них в школах учатся дети трудовых мигрантов, иногда нелегальных. Причина та же – только выезд из страны и законный въезд может разрешить их неразрешимые на территории России проблемы... Только как сделать так, чтобы еще при попытке въезда эти проблемы не зародились?

Женщины – трудовые мигрантки в Петербурге за год меняют примерно три места работы, комфорт для них – на последнем месте, главное – дешевизна жилья и близость его к работе. Таковы данные Центра независимых социологических исследований. Как отмечает социолог Ольга Бредникова, за последнее десятилетие в Петербурге все больше просматривается тенденция: приезжает все больше женщин – трудовых мигранток, причем не с мужьями, а самостоятельно, все больше молодых девушек и одиноких женщин – вдов, разведенных. Ольга Бредникова назвала этот процесс «стихийным феминистским проектом» – так как многие женщины в интервью социологам признавались, что, уехав с родины, они чувствуют себя более свободно, сами вправе выбирать себе партнеров, и, несмотря на весьма тяжелые условия жизни, все же более самостоятельны финансово. Бредникова подчеркивает,

что, если 10 лет назад более характерным было, когда мужчина-мигрант заводил в России вторую семью, посылая средства оставшимся на родине женам и детям, то теперь это явление не обходит и женщин. Но, как правило, женщины-мигрантки находят партнеров в своей среде. Самыми большими проблемами для трудовых мигранток являются, кроме условий работы и жилья, проблемы доступа к медицинской помощи, особенно той, что связана с женским здоровьем. «Остро стоит проблема контрацепции и абортов – в отношениях не принято пользоваться средствами контрацепции, а на аборты нет ни времени, ни денег», – говорит социолог. Среди партнерских сексуальных отношений нередко встречаются отношения – «хозяин-работница», женщины часто страдают от насилия, но, как правило, не знают, где и какую помощь они могут получить.

Опубликовано:
BaltInfo.Ru
сайт «КавкАзия»

ЧЕМ ПЛОХА МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА?

тем, что ее – нет

Светлана Ганнушкина – правозащитник, глава комитета «Гражданское содействие», второй год подряд выдвигается на получение Нобелевской премии мира, много лет защищает права мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев. В числе прочих экспертов работает над концепцией государственной миграционной политики.

– Правовых ям в нашей миграционной политике много, однако, вы считаете, что следует отменить временную прописку иностранным гражданам, учитывая коррупционную составляющую. Насколько это может повлиять на порядки в этой сфере?

– Должна признать: десять лет назад было проще бороться с несоответствующими Конституции региональными нормативными актами. Тогда, например, общественная организация, не прибегая к непосредственному обращению в прокуратуру, могла пойти в суд, защищая определенную группу лиц. Таким образом, в 2000 году мы в Московском городском суде обжаловали правила регистрации, установленные областной администрацией.

– Чем аргументировали требования?

– Прямым противоречием закону о свободе пе-

Огородникова Юлия, г. Новосибирск

восполнит ли этот пробел концепция?

редвижения, в котором четко сказано, что отсутствие регистрации не может вести к ограничению каких-либо прав. В данном случае, речь шла о конституционном праве на образование: школы могли отказать, если у родителей не было регистрации. Московский городской суд не полностью, но в значительной мере нас поддержал.

– Есть ли общий рецепт, позволяющий действовать с максимальной пользой?

– Чаще всего, проблемы, с которыми сталкиваемся – не вопрос миграции, скорее – состояние государства и общества. Есть территории, где законы вообще не соблюдаются. Единственный способ кому-то помочь – методично добиваться своего, ни минуты не сомневаясь в наличии правовых возможностей. Если не получается на местах, действенными могут оказаться обращения в Конституционный и Европейский суды. О случаях, подтверждающих пользу такого подхода, шла речь на недавней московской встрече российских журналистов с экспертами, организованной Альянсом руководителей региональных СМИ России (АРС-ПРЕСС) и Управлением Верховного Комиссара ООН по делам беженцев в России (УВКБ ООН).

– Верите ли вы в то, что концепция миграционной политики, над которой работает правительственная комиссия, ответит на большинство горячих вопросов?

– Надеюсь. Напомню, работа над проектом концепции началась еще в конце 90-х годов. Затем, когда ФМС была передана в ведение МВД, очередной проект имел, скорее, ограничительные черты, нежели защищал права мигрантов. Из названия документа тогда ушло слово «политика»,

появилось – «регулирование» (каким образом регулировать и возможно ли это вообще, никто так и не понял). Когда мне задавали вопрос: «Чем плоха миграционная политика в России?», я говорила: «Тем, что ее нет». Последние полтора года над новым вариантом концепции работает вновь созданная комиссия. Обсуждаем горячие вопросы. Надо решить, например, каким образом устранить перекос, при котором основной темой миграционной политики стала борьба с нелегальной миграцией, как будто нет других проблем: убежища, гражданства и т.д.

– В чем, по-вашему, заключаются опасные тенденции в настроениях общества и информации, которую нам предоставляют, в том числе, и официальные источники?

– В рассказах о том, что очень велик процент преступлений, совершаемых иностранцами. Часто в цифрах – прямая ложь. Опасно, когда представители власти говорят про «след мигрантов», «запах чужих» и т.п. (помню, я как-то писала, что с таким обонянием на охоту можно ходить без собаки!) Риторика провокаторов такова: не хотим, чтобы кто-то занимал рабочие места россиян (это при том, что приезжие занимают места, которые мы занимать не хотим) – не дадим «понаехавшим» танцевать лезгинку. Но что же плохого в лезгинке? Если хотите, танцуйте чарльстон или краковяк!..

– В том, что людям приходится годами оставаться на положении нелегалов, зачастую не их вина – их беда...

– Это верно. Недобросовестному работодателю часто приходится делиться с теми, кто может воспрепятствовать наживе и приятно нанять работ-

Петраков Игорь, г. Алматы

ника, из которого можно выжать все соки, превратить в шлак, заплатить копейки или вообще не платить, и, наконец, выбросить.

– Насколько важны для соблюдения прав мигрантов международные договоренности?

– Простой пример. Родина прав человека – Франция, одна из немногих, не присоединилась к рамочной конвенции «О защите национальных меньшинств», принятой в феврале 1995 года. Когда едешь в парижском метро, видишь, насколько высок процент людей с темным цветом кожи, с самыми разными чертами лица. Я попыталась спровоцировать молодых французов, своих коллег по правозащитной работе, вопросом: «Вас это не раздражает? Вам не хотелось бы, войдя в вагон метро, увидеть перед собой француза?» На что получила искренний, удивленный ответ: «Но ведь они – французы!» И задала очередной вопрос: «Тогда почему вам пришло в голову принять закон, запрещающий девочкам-мусульманкам ходить в школу в платках?..» Во время одной из акций протеста юная француженка возмущалась: «Девочка из гимназии, в которой учусь, покрасила себе волосы на половину – в зеленый цвет: на половину – в желтый. Это, видите ли, свобода! Я надела маленькую косыночку, и мне сказали – нельзя?!» Откуда веет опасностью? У меня нет на это однозначного ответа. Понимаю только, что с новыми вызовами надо справляться. Желательно, не поодиночке – всем миром.

– У нас на глазах фактически стираются границы между государствами. Может, это поможет понять, что такое глоток свободы?

Данилин Юрий, г. Екатеринбург

– Помню, когда Швейцария еще не входила в шенгенскую зону, ездили на деловую встречу по приглашению УВКБ ООН. В свободное время прокатились на фуникулере в Женеве, и в какой-то момент я поняла, что мы уже не во Франции. В горах увидели домик, на котором было написано: «Жандармерия». Я сказала швейцарцам: «Друзья, у вас нет жандармерии!» Проезжающий на велосипеде человек простодушно воскликнул: «De la France!» Это ли не глоток свободы? В то же время, в каждой стране должны существовать четкие и понятные нормы поведения и закона, исключаящие бесправие и беззащитность давно проживающих там и вновь прибывших людей.

Опубликовано:
частично – в «Новой газете», С-Петербург
полностью – на сайте «Кавказия»

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И ЖЕНЩИНЫ

Таджикистан как способ понять закономерности

Когда я летела в Душанбе из Стамбула, справа от меня сидел парень-таджик 30 лет, который уже несколько лет живет в США, а слева женщина под 50, которая возвращалась из Европы, где живут ее дочери – одна в Будапеште, другая в Лондоне. Мне пришлось ждать в аэропорту пять часов, и за это время я познакомилась: с юной новобрачной женой, которая только что рассталась с молодым мужем, улетевшим московским рейсом на заработки; с продавщицей газет по имени Тамила, которая сказала: и рада бы уехать – но куда?; с учительницей из пригорода, которая сообщила, что в их местечке уже все-все-все уехали, потому что иначе не прожить, работы нет.

Потом, уже в Худжанде и Исфаре, я увидела, что кое-какая работа все же есть – но за нее платят сущие гроши. Государство и предприятия время от времени устраивают ярмарки занятости, которые не пользуются большой популярностью. Самой оплачиваемой работой, которую я видела на такой ярмарке в Исфаре, была должность инженера-взрывника, – она стоила около 150 долларов в месяц и находилась в большом отрыве от остальных предложений, которые имели в виду не более 50. Однако даже рекордные 150, если и позволят свести концы с концами, все равно никак не разрешат такие семейные проблемы, как образование детей или строительство дома. Вот почему надо куда-то подаваться. И они подаются.

КОНТЕКСТ

Государство заметило проблему лишь тогда, когда в стране стало как-то не заметно трудоспособных мужчин. Поначалу это всех устраивало – некому бунтовать. Не болит голова за пособия – уехал, присылает семье – вот и отлично. Сами как-нибудь, граждане, сами. Строго говоря, миграция на начальном этапе – подарок властям. Принцип «разделяй и властвуй» сработал сам, естественным порядком, – одни уехали и увезли с собой много-много вопросов; другие остались, чтобы

как-нибудь выжить – им тоже некогда ходить на митинги. Государство долго делало вид, что оно ни при чем. Ну, едут они – но как бы сами собой, дело житейское. Государство не ощущало вины, что нищета выдавливает людей из дома, никто не стремился предостеречь, научить их; и уж совсем никто не озаботился тем, чтобы договориться с принимающей стороной. Мол, не обижайте наших-то.

Так продолжалось годами, пока безмятежный сон государства не стал все чаще прерываться глупыми диссонансами. Уехал живым, вернулся «грузом 200» – сироты, вдовы. Или: уехал и потерялся, и вовсе не стал ничего присылать жене и пятерым детям. Опять – социальное сиротство, вдовство. Таких случаев накопилось десятки тысяч. Как тут забудешь о социалке? Или: приехал и уехал, а жена вскоре заболела, пошла к доктору – ВИЧ, а то и уже СПИД. И таких все больше. Миграцию пришлось заметить. Этому помогли и международные организации, у которых, помимо глобальной заботы, положенной по мандату, много своих национальных беспокойств на эту тему. Ибо нарастающее напряжение грозит стать реальной опасностью для всех.

Озабоченность ООН, Всемирного Банка и других серьезных институтов выражается в ряде программ. Они имеют в виду национальные ресурсы, меры по занятости, работу с трудовыми квотами, межгосударственные договоренности. Однако выясняется, что любые меры остаются малоэффективными до тех пор, пока «принимающие» – от обывателя до президента – считают, что они делают одолжение мигрантам, когда позволяют им мести улицы и строить дома. Регулируя миграцию экономически и юридически, необходимо принять меры к очищению завалов в мозгах людей. Главным очистителем может стать главный засоритель – масс-медиа. Если внедрить туда здоровые стандарты и регуляторные механизмы. В этом смысл и философия региональной программы по миграции в Центральной Азии, которая ре-

ализуется совместно МОМ, ООН Женщины и Всемирным Банком при поддержке Правительства Великобритании. В программе участвуют журналисты 4 стран – «поставляющих» мигрантов и принимающих: России, Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана. Главная задача – отработать здоровые медийные подходы в освещении этой проблемы. Но сначала – самим понять то сложное и тревожное, что представляет собой сегодня миграция. Вот для чего мы ездили в Худжанд, Кистакуз и Исфару.

ЖЕНЩИНЫ

Он уехал, мы остались. Присылает? Как же – две тысячи в прошлом году. Российских рублей. В этом – пока ничего. Живем как-то. Едим в основном хлеб с чаем. Плохо с водой. Зимой плохо с электричеством. Ты сними моего маленького. Смотри, – Боже, какой он красивый, правда же?

Детей, по-прежнему, много. К деторождению таджички относятся не то, чтобы спокойнее, – но как бы на другой философской основе. Для них

Петриашвили Галина, г. Тбилиси

появление ребенка – никакая не революция, а нормальное жизненное событие. Я хочу сказать, что решаются на очередного ребенка они значительно легче, чем русские или грузинки. Дитя, однозначно, благо, и Божий дар, и гордость. Непременно гордость. Я видела разведенную женщину с тремя детьми, которая подала на вакансию в международной организации и поехала туда работать – вчетвером. Никаких комплексов многодетности, никакого ущерба мобильности – такой подход достоин самого глубокого уважения.

Однако это женщина продвинутая, сильная, образованная, знающая языки. Те, кто попроще, тянут воз дома. Однако в их жизни не меньше мужества. Какую отвагу надо иметь, чтобы смотреть

в глаза пятерым голодным детям? И какую силу, чтобы найти, чем накормить. Каждый день, годами.

Все человеческие цивилизации в кризисные моменты выживают за счет женщины. Частично благодаря ее сознательно-условному рефлексу кормить, согреть, сопереживать и брать на себя. Если этого ресурса не хватает – принудительно. В ход идут пышные идеи о природном предназначении, в пример ставятся «хорошие девочки», спешно корректируются законы. Все страны проходили это. Если дефицит работников, бросается лозунг «Девушки, на тракторы!» Если дефицит рабочих мест – становится популярным образ домашней жены. Сельская таджикская женщина экс-

Петриашвили Галина, г. Тбилиси

плуатируется дважды – государством и семьей. Государством – когда оно делает вид, что рождение и выращивание населения для этой страны – сугубо хобби женщин и они делают это сами для себя. семьей – когда она считает молодую мать и невестку чем-то вроде рабыни. Отдельная беда – если муж уедет, тут уж защиты никакой, могут и из дома выгнать, с детьми. А родители – не принять.

Вот учительница – в прошлом отличница в школе и институте, специалист по иностранным языкам – английский, немецкий, французский. Сюда еще русский и родной таджикский. Трое детей. Препо-дает в школе. Летит туда, как на крыльях, очень любит работу. Любит читать, готовиться к заняти-ям, развивать себя. Нельзя! Семья запрещает. Ни-кто в доме не может понять, на кой ей эти книги и чего в них смотреть так пристально – куда полез-нее пойти полоть грядки. Свекровь тотально кон-тролирует, когда она возвращается с работы – и не дай Бог опоздать. При этом – внимание! – за-рабатывает эта учительница одна на всю семью. Кормит их всех. Если это не рабство, то что тогда?

Или вот еще. Беременность на восьмом месяце четвертым ребенком, муж на заработках, прислал два раза по чуть-чуть: первый раз на еду, второй раз на арматуру для будущего дома. Она честно купила арматуру, свалила во дворе, а теперь де-лает кирпичи – в том числе и на продажу. Песок и цемент ссыпаны на улице, и она немного сету-ет, что трудно носить их во двор ведрами, хорошо бы тачку. Смешивает и заливает в форму. Солн-це жаркое – кирпич готов сам по себе. За тысячу штук дают примерно 50 долларов, лепят они их впятером: 50 делим на 5. Из своей доли она еще отщипывает немного прежней мужниной жене, что-то вроде алиментов.

Героизму и самоотречению этих женщин дивят-ся, разве что приезжие журналисты. Для местных людей – это рутинный порядок вещей.

...Тут я приостанавливаюсь и думаю, как может исправиться положение? Причем не волшеб-ным способом – если вдруг все станут богаты и

изобильно-семейно счастливы, – а имея в виду реальные рамки в виде безработицы и мигра-ции. Клин клином вышибают – страдания жен-щин от миграции, может быть, могла бы сгладить сама миграция? В мире растет число женщин-мигранток. Их эксплуатируют еще жестче и еще больше опасностей на их пути – однако мобиль-ность дает им шанс покинуть бесперспективное место, проверить себя на прочность. Кто выдер-жал – тот победил. Однако пока этот вариант не для массы скромных таджичек. Они остаются очень послушными и управляемыми. Мигриро-вать большинство могло бы только с мужчинами. Но тогда Таджикистан остался бы совсем без на-селения.

СЕМЬЯ

Послушание не спасает – первичная ячейка об-щества трещит по всем швам. То самое ценное, что как зеницу ока хранила национальная культу-ра, – семья – не выдерживает испытаний. На нее давит, с одной стороны, глобализация, с другой – религиозный фундаментализм. Говорят: муж-чин стало мало из-за гражданской войны и трудо-вой миграции, потому у нас многоженство. Понят-но. Однако, почему по этой же причине у вас нет многомужества? У женщины пять или семь детей – одному мигранту, даже очень трудящемуся, их не прокормить, – отчего бы ей не взять еще одно-го мужа? Но таких крамольностей в Таджикиста-не не говорю даже я. И все же, все же: если во главу угла ставить целесообразность и экономи-ческие обстоятельства, – почему ж не признать, что для многомужества у женщин есть все пока-зания? Однако ж нет – интересы мужчин святы. Они не пострадают никогда и ни при каких обсто-ятельствах. Потому что!

Еще пара историй. Женщина европейской ори-ентации – по ментальности, по карьере. Ездит по свету, по службе. Руководит некой структурой. Одевается элегантно. Муж и трое детей. Вдруг, он

Шарипова Зухро, г. Пенджикент

ей говорит: чего это ты у нас без платка, мать? Не походить ли тебе в хиджабе? А она не хочет. Ей неинтересно и жарко в нем, и она не видит повода менять свои привычки. И тогда он уходит к другой женщине. И живет с ней целый год. А потом возвращается. В ее, между прочим, квартиру. Она не хочет его принимать, ибо у нее было время подумать и оценить факт, но – дети. Живут пока вместе. «Ту женщину» он держит как запасной аэродром и полуфабрикат быстрого возмездия. Денег на детей и хозяйство он не дает, семью содержит Она.

Еще одна история. Младший брат и любимец семьи, хотя уже очень взрослый, под 50. Из образованных. В России женат на русской, но приезжает на родину, и в поле зрения попадает женщина помоложе, таджичка. И вот они вполне муж и жена, он уезжает, у нее ребенок, она дружит с его родней – она и есть их родня, типа невестки, но не совсем. Сама она верит, что он ее муж (но не совсем, ясное дело), хранит верность, родственницы мужа (псевдо-мужа, прото-мужа, пост-мужа?) говорят: что ты сидишь? Замуж выходи, нормально! А она говорит: все равно не за кого. Уж лучше так, какой-никакой статус. Хоть вторая, но жена.

Порой возникает ощущение, что многоженство – это ловкая отмазка, которой пользуются таджикские парни и которой нет в подобных случаях у русских, украинцев или грузин. Нередко явление можно отнести к самому банальному адюльтеру. Ширму используют не только мужчины, но и женщины. Культура поощряет первых и прессует вторых: если родила сама по себе, когда и от кого сочла нужным, – позор; если как вторая жена – то ничего, можно, все в порядке.

Семья болезненно трансформируется, ее черты искажаются, ей все труднее сохранять функции защиты. Испытание идет как со стороны миграции, так и в силу исламизации, обе тенденции восходят к экономике и социальному фону. Никто пока не сосчитал «вторых жен» – и без того видно, что

армия их огромна. Теневые жены и дети не имеют никаких прав, а в случае утраты кормильца никоим образом не могут рассчитывать на часть собственности, в том числе такой жизненно-важной, как земля или дом. Вынужденно идя во вторые жены, женщины не получают никаких гарантий ни для себя, ни для детей. Ведь закон рассматривает семью с тех, прежних позиций, в нем нет места для «вторых» и «третьих».

ХИДЖАБ

Таджикистан изо всех сил старается остаться светским государством. Это сложная задача, если учесть окружение и финансовые возможности фундаменталистов. Правительство довольно неуклюже борется с хиджабами, запрещая их в публичных местах. Старается как-то урезонить многоженцев – было даже несколько процессов над госчиновниками. Однако наступление религиозности очевидно. Сгущается фон, растет концентрация, становятся другими привычки и обыкновения.

В поездке по кишлакам нас сопровождала молодая женщина – совсем девочка, недавно выучилась и работает в неправительственной организации. Милая, тоненькая, открытая, по-европейски одетая и постриженная, замужем и имеет ребенка. Она мне сказала, что хотела бы носить паранджу, по идее. Или хотя бы хиджаб. Душа просит. Но это помешало бы ее работе, контактах с людьми – они будут сторониться, подозревая в ней фундаменталистские наклонности.

Вторая история. Также профессионально успешная женщина, счастливо замужняя, с тремя детьми. Ходит в платке. Зарабатывает на семью, критично настроена, умна, активна, сильна, самостоятельна. Говорит: да, многоженство. Мне надо подготовиться к этому и принять идею, и постараться полюбить его вторую жену. Пока не готова, но потом, когда-нибудь, когда я постарею... Но

ведь и он постареет, говорю я. Она отвечает: ведь он может помочь кому-то еще, дать тепло, детей, защиту... – я не должна быть эгоисткой. И еще она сказала, что только углубившись в веру, поняла, как надо правильно жить.

Это сложные вопросы, вечные и трагичные, если подумать. Слишком трудно разобрать, что происходит с твоей душой и сознанием. И где истина.

Я купила хиджаб и надела его. Женщины на базаре помогли мне его правильно устроить и закрепить, и мы сфотографировались на память. На мне было национальное платье, которое я купила раньше и с удовольствием носила, оно красивое и удобное. Я боялась, что меня осудят за карнавал. Опасалась как-нибудь нечаянно оскорбить. Но нет – всем понравился мой интерес походить в этой одежде; люди видели, что я чужая, но принимали за свою, им нравилось, что я хочу немного пожить по-ихнему. Были откровенны, приглашали в гости, рассказывали сугубо личное. Многие женщины, покрытые платками, говорили мне, что это не их выбор – заставляет муж, отец, брат.

Вопросы солидарности

...Я все вспоминаю ту женщину, которая на восьмом месяце лепит кирпичи, и как она часть заработка отдает бывшей жене мужа. Она ясная, та женщина, грустно-улыбчивая. Я не думаю, что она делится куском хлеба только потому, что так велел муж. Мне кажется, что она дала бы и сама. Ей 33 года – на вид гораздо больше. Рядом с ней были товарки постарше, застенчивые и смешливые. Сняла их, но они не хотели, чтоб я публиковала. Русского не знают, мы говорили односложно и жестами, возраст и число наших детей писали прутиком на земле. Смеялись и обнимались. С юмором у них все в порядке. С условиями жизни плохо совсем.

...Совсем плохо. Уже дома, сидя у компьютера и рассматривая снимки, я думаю, что может по-

мочь им? Не каждой в отдельности, а – как классу, зависимому и угнетенному. Что может помочь рабе раба? Ведь вопрос вполне можно поставить так. Во все времена и в любой культуре спасение угнетенного – в образовании. Но это для молодежи. Что может помочь этим условно замужним женщинам, обремененным детьми, домом, огородом, каждодневной борьбой за кусок хлеба? Сижу, думаю и как-то не хочется мне повторять очевидное – про силу и солидарность.

Женщины плохо понимают друг друга, если под пониманием разумеется не сиюминутное, но системное. Рефлекс защиты и поддержки друг друга. У них слабые межпоколенческие связи. Скорее, это межпоколенческий антагонизм. Армия невесток стонет от армии свекровей. Дедовщина (бабовщина) свекровей! Так продолжается тысячелетиями, и бесконечно передается обжигающая эстафетная палочка: меня прессовали, ну так теперь я тебя. А сын женится – тогда уж ты ее, твое время. Уж не пора ли прервать эстафету? Но как?! Неправительственный сектор бьет тревогу: число женских суицидов огромно. Почти все они связаны с насилием в семье. Женщины сжигают себя, потому что не в силах терпеть издевательства. Я не представляю, каким должно быть это подавление, чтобы на него решилась покладистейшая и неприхотливейшая из женщин, настолько любящая своих детей.

Мне кажется, что у женщин слабы межгрупповые связи – не просто контакты, но уважение, доверие и взаимопомощь между женщинами из разных социальных групп. Образованные городские – сельским и неграмотным, деловые и успешные в бизнесе – нищим и малообеспеченным. Если бы мы поступали так! Тут я, пожалуй, совсем отклонюсь от темы и говорю уже не только о Таджикистане. Отнюдь не только о нем.

Опубликовано:
сайт «Кавказия»

Юрий Кириница,
Казахстан

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В ТАДЖИКСКИХ СЕЛЕНЬЯХ

Они не жалуется на судьбу, хотя живут очень тяжело,

Порывы сумасшедшего «афганца» забивали глаза и рот мелкой едкой пылью. Даже очки не спасали. Но, как по волшебству, ветер стих, когда мы шумной журналистской ватагой ввалились в этот двор. Стихия как будто прониклась пониманием и сочувствием – к этой женщине.

Мадонна из Кульканда

Кульканд – небольшой кишлак неподалеку от Исфары, города, которому пять веков. Туристы едут из дальних стран, чтобы полюбоваться на ста-

ринную мечеть Абдулла-хана, побродить по развалинам средневековой крепости Калаи-Бобо и прикоснуться к стенам мавзолея Хазрати-Баба, который даже старше Исфары, его заложили в десятом веке. Но что эти древности и эти столетия для женщины с ясными печальными глазами и натруженными руками?! Замира Аслонова инстинктивно поддерживала руками большой живот. И улыбалась. «Я счастливая женщина. У меня есть дети и любящий муж, который сейчас уехал в Россию на заработки. Я хочу построить свой дом и верю, что добьюсь своего». Первый брак Зами-

Адылгезов Вагиф, г. Москва

работают и молятся, любят и ждут

ры распался. Не было детей. Но она не смирилась с судьбой, снова вышла замуж – за разведённого. Родила троих и ждет четвертого. Не так давно муж уехал в Россию, чтобы осуществить самую главную таджикскую мечту – построить свой дом. И уже передал через знакомого первый заработок. Деньги Замира использовала с толком. Вложила в дело. Вместе с подругами они купили глину и цемент и стали делать из этой смеси сырые кирпичи. После просушки товар ходовой. Сейчас многие складывают дома из этого экзотического стройматериала. На века загадывать не будем. Но встретить старость в новом доме – это реально. Есть и трудности. Кирпич подешевел – сейчас этим «бизнесом» занялись многие. За тысячу кирпичей после вычета всех затрат они получают на пятерых 250 сомони. Каждой – чуть больше 10 долларов. Но часть заработка она относит в первую семью мужа – в качестве алиментов на его ребенка. И все бы хорошо, но тележка не помешала бы. «В банке обещали кредит. Вот тогда заживем...» Мы стояли молча, потрясенные этим бесхитростным рассказом. Одна из моих коллег поступила так, как ей подсказало материнское сердце. Вынула из бумажника купюру – в аккурат на тележку. Замира засмузилась, стала отнекиваться, но гостья настояла. Да и подруги стали советовать: бери, мол. Заслужила. Они действительно заслужили – другую жизнь. Более сытную, спокойную и красивую. Но после распада Союза в таджикские дома ворвалась братоубийственная гражданская война. А следом постучалась другая беда – безработица.

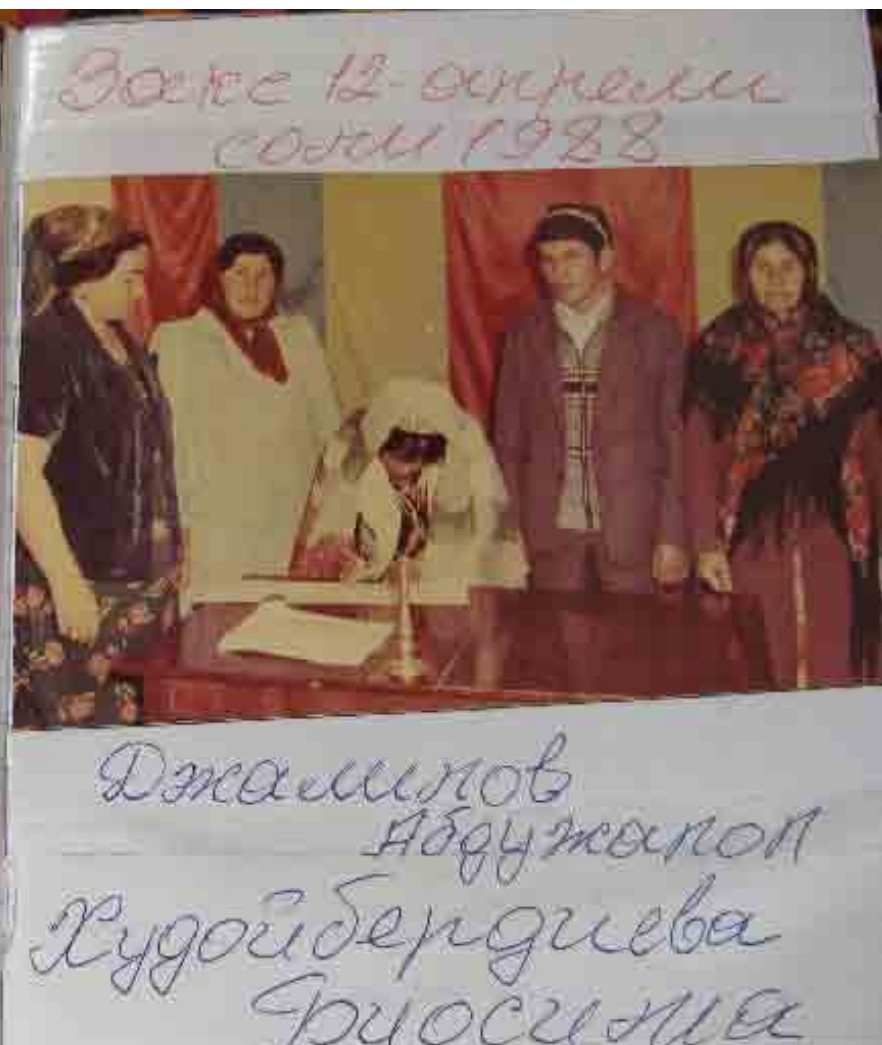
Отправил sms-ку. И свободен!

Прошло уже немало времени, как я вернулся из Таджикистана. Вроде бы улеглись и отстоялись первые впечатления. Я снова и снова вслушиваюсь в эти женские голоса, пытаюсь понять: что же общего в этих судьбах? Выпускница русской шко-

лы, мама очаровательного карапуза Мухамедали. («В честь американского боксера назвали!»). Она хотела учиться на медсестру, но брат запретил. Теперь муж Шохрат (в России его зовут Шурик) обещает, что его любимая Гульзод пойдёт учиться. Вот только он немного подзаработает. Шарифа с подругами организовала животноводческое звено. Они взяли кредит в банке – 2000 сомони. Купили четырех ягнят. Сейчас это упитанные бараны. Шарифа надеется рассчитаться за полгода. Учительница английского языка (жаль, вот имя «проглотил» старенький диктофон) училась в столице, но выбрала маленький кишлак. Хорошо говорит по-русски – в отличие от своих товарок. Зарплата – 240 сомони, чуть больше 50 долларов. Да, здесь все дешевле, чем в Исфаре. Не говоря уже об областном центре Худжанде или Душанбе. «И все же без переводов мужа я бы прокормить трех своих детей не смогла». Так случилось, что мы на какое-то мгновение отстали от общей группы. И тут она приоткрылась: «У наших женщин не принято жаловаться чужим людям или властям. Разве что между собой посудачим. Поохаем. И снова за работу». Впрочем, вал миграции изменил вековые традиции. Женщины учатся отстаивать свои права. Рано Бободжанова, председатель комитета по делам женщин и семьи хокумата Согдийской области, рассказала, что к ним нередко обращаются женщины, которые пытаются найти управу на «горячих» таджикских парней. Некоторые из них внедрились такое ноу-хау: развод по сотовому телефону. Отправил супруге сообщение – дескать, извини, встретил другую, – и свекровь указывает невестке на дверь. После чего той приходится уходить на руках с ребенком и узелком поношенной одежды. Уж не знаю, как это потом оформляется в суде, но женщина оказывается как бы замужем и не замужем. «Несколько раз приходилось устанавливать отцовство через суд, а потом отправлять исполнительные листы в Россию

– через генеральное консульство», – объяснила нам Рано. Любопытная закономерность: женщины чаще говорили о брошенных детях, о распадающихся семьях. Между тем, мужчины видят в миграции и несомненные плюсы. Собир Курбанов, экономический советник по Таджикистану и Кыргызстану Департамента международного развития Правительства Великобритании, отметил, что денежные переводы из России и Казахстана – это социальная подушка безопасности. 58 % населения Таджикистана – молодежь до 24 лет.

Надо чем-то занять людей. Иначе бунт. Или ещё хуже – гражданская война. Справедливости ради, надо отметить: и в советское время Таджикистан называли «трудоизбыточным регионом». По разнарядке из Москвы женщин Таджикистана присылали на уборку овощей в Волгоградскую область и на Украину. Мужчины строили БАМ. Но это тогда называлось воспитанием «пролетарского интернационализма». Да и трудовые десанты были малочисленными. Потом произошел распад СССР. Началась война, а с ней и голод, разру-

Серова Елена, г. Санкт-Петербург

ха. Большая часть русских покинула республику – сейчас их численность 1 % от семимиллионного населения Таджикистана. Остановилось практически все производство. В 2002 году начался «великий таджикский исход». Сегодня – по разным оценкам – в России и в Казахстане (в меньшей мере) находятся более миллиона трудовых мигрантов. Это треть трудоспособного населения страны. Их денежные переводы в 2003 году составили 60 миллионов долларов, в 2008 – 2,5 миллиардов. С кризисом эта река несколько обмелела, но уже в 2010 году страна получила все те же 2,5 миллиарда. Правда, ВВП стал чуть больше – около 6 миллиардов долларов.

«ПОМОГИ МНЕ, СЕСТРА!»

Мы пытали хозяев и сами пытались разобраться: есть ли в стране программа, которая бы настраивала таджиков на выход из миграционной «петли»? Сколько времени потребует для этого? Десять? Двадцать? Полвека? Однозначного ответа мы так и не получили. Было немало споров и рассуждений, что называется, по горячим следам. Теперь пришла пора размышлять и делать выводы. Прежде всего, назрела необходимость «инвентаризации» процесса. Надо разобраться, сколько же граждан одной страны, входящей в Евразийское экономическое сообщество, находится в двух других странах, входящих в то же самое объединение. Без точных цифр невозможно выработать ни тактику, ни стратегию. Последний вопиющий факт. В центре Москвы, в доме, приговоренному к сносу, заживо сгорели семеро мигрантов. А сколько их там было, никто не знает. Что должно произойти ещё, чтобы власти наконец-то занялись вплотную этой проблемой? И навели хотя бы элементарный порядок. Я не за массовые депортации. Напротив, надо провести эту работу с максимальной деликатностью и терпением.

...О ЕврАзЭС я вспомнил не случайно. И еще скажу. А пока отмечу: сейчас в Таджикистане не редкость самые разные неправительственные организации – как собственные, так и международные. Честь им и хвала. Британское правительство, к примеру, выбрало 27 экономически уязвимых стран, в том числе Кыргызстан и Таджикистан. Англичане прислали своих инструкторов, наладили обучение. Таджички, которые раньше занимались только домашним хозяйством, стали создавать мини-цеха и небольшие бригады. Начали шить халаты и чапаны, выпускать нехитрые сувениры, ухаживать за скотом. Конечно, тяжелый физический труд и беременность – явный перебор. Да и продукция, выпускаемая в районе, за пределами района, неконкурентоспособна. Но лиха беда начало. Так вот, надо самым решительным образом подключать к этой проблеме секретариат ЕврАзЭС, его многочисленные структуры. Нужно свести к минимуму международные «посиделки», на которые горазды наши чиновники – в пользу конкретной работы с людьми – как это делают те же англичане.

...В заключение расскажу об одной истории. В селе Кистакуз к режиссеру-документалисту Свете Свистуновой, женщине видной и представительной, подошла местная жительница и тихо попросила: «Помоги, мне, сестра. Давно нет весточки от мужа. Не знаю, жив ли?» Они обнялись – русская и таджичка. Как будто и не было этих двадцати лет, разлучивших наши страны, наши народы.

Опубликовано:
«АиФ Казахстан»
сайт «Кавказия»

ПОБЕДИТЕЛИ ФОТОКОНКУРСА

ПЕРВОЕ МЕСТО

Удьярова Анна, г. Санкт-Петербург

"ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ БЕЗ РИСКОВ"

ВТОРОЕ МЕСТО

Огородникова Юлия, г. Новосибирск

ТРЕТЬЕ МЕСТО

ПЯТИБРАТОВА АЛЛА, г. ОШ

ТРЕТЬЕ МЕСТО
ПЯТИБРАТОВА АЛЛА, г. ОШ

ТРЕТЬЕ МЕСТО

СЕРОВА ЕЛЕНА, Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ЧЛЕНАМИ ЖЮРИ ПРИСУЖДЕНЫ НОМИНАЦИИ:

НОМИНАЦИЯ САМОЕ ДОРОГОЕ

УДЬЯРОВА АННА, г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

**НОМИНАЦИЯ
НАДЕЖДА**
АДЫЛГЕЗОВ ВАГИФ, г. МОСКВА

**НОМИНАЦИЯ
ТРУД ВО БЛАГО**
Данилин Юрий, г. Екатеринбург

НОМИНАЦИЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Огородникова Юлия, г. Новосибирск

СПЕЦИАЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ ЖЮРИ

ЮНОЕ ДАРОВАНИЕ

ИВАНОВОЙ КСЕНИИ, 16 ЛЕТ, Г. САНКТ - ПЕТЕРБУРГ,
ЗА РАБОТУ «ДОБРЫХ ДЕЛ МАСТЕР»

Отпечатано в типографии
ТОО «Классика» -
пр. Райымбека, 174 ж, 233-70-33

Формат 23x29
усл.п.л. 20,76
Тираж 500 шт.